

Австрийцы, которых припекло

«Собачья жара»

Режиссер

Ульрих Зайдль

Гран-при

Венецианского

кинофестиваля

(2001)

Виктор МАТИЗЕН,
«Новые Известия»

Ульрих Зайдль прославился «Животной любовью». Эта мизантропическая картина об отношениях людей и их домашних питомцев, в ос-

новном собак, представляла собой цепочку более или менее шокирующих эпизодов из жизни десятка мужчин и женщин, снятых почти неподвижной камерой на среднем плане. Фильм считался документальным, хотя по сути был наполовину игровым — его герои играли самих себя. Неприглядные полуголые персонажи позировали перед объективом со своими животными, обнимались с ними и только что не совокуплялись, а в конце кто-то произносил речь о том, что люди хуже животных. Лента была так же вызывающе тенденциозна, как великая «Собачья жизнь» Якопетти, но гораздо более узка, а вместо трагического пафоса итальянского режиссера в ней проглядывало простое сострадание к одиночеству человека, вынужденного удовлетворяться суррогатом любви.

«Собачья жара» — русский перевод. Оригинал подразумевает не состояние атмосферы, а время — месяц с 24 июля по 23 августа, который по латыни называется «Каникула», а по-английски «Собачьи дни» (по созвездию Орион, или, как его еще именуют, «Пес Ориона»), поэтому перевод «Собачьи дни» был бы точнее. Структура фильма та же, что у «Животной любви»: шесть переплетенных историй об одиноких людях, коротающих этот душный месяц в безотрадном пригороде Вены. Стена однотипных домов с маленькими палисадниками — ни дать ни взять, улица передового колхоза. Жара позволяет Зайдлю снимать героев (большей частью непрофессиональных актеров) полуобнаженными или совсем голыми, с хроникерским беспристрастием запечатлевать их несвежие лица, дряблые тела и неприкаянные души. Бытовая неприглядность героев «Животной любви» возведена здесь в художественное качество, своего рода эстетику безобразного, с которой зрителю, если фильм его интересует, придется свыкаться и даже получать от нее удовольствие. Это эстетическое чувство можно назвать извращением, но не стоит забывать, что в прошлом веке многое из того, что веком раньше считалось извращением, получило легальный и почти нормативный статус. Зайдль — материалист истинный, с посылом «красиво то, что есть», или, говоря по-нашему, «люби, что дают».

С другой стороны, эстетика Зайдля — вульгарная реакция на голливудский гламур. Там все Аполлоны с Пенелопами и клубника со сливками, а мы вам — скисшую плоть на грязных простынях. Наш режиссер для этого взял бы бомжей в канализационном коллекторе, но в Западной Европе у зрителей другие понятия, и австрийский режиссер берет октавой (социальным слоем) выше, размещая более откормленную плоть с чуть более чистыми простынями в пусть типовых и слипшихся, но отдельных домах. Венецианское жюри мочится кипятком и дает фильму второй по значению приз (присудить «Золотого Льва», видно, помешал легкий смрад или несоответствие между царственным зверем и совсем нецарственными героями).

Тем не менее фильм любопытный. Документальная школа привила Зайдлю вкус к пристальному наблюдению и к деталям человеческого поведения, которые игровое кино в погоне за обобщением обычно пропускает. Один из мини-сюжетов (в синопсисе он назван «Грек и его жена») рассказывает про супружескую чету, потерявшую дочь, а смерть ребенка — сильнейший катализатор развода. Режиссерский этюд: как показать, что совместная жизнь героев потеряла смысл? Есть миллион пошлых решений и очень немного киногоеничных — без слов, без слез и без истерик. Зайдлевский грек целыми днями лупит по теннисному мячу: тик-так, тик-так, тик-так, на двадцатом тик-таке возникает непереносимое ощущение тоски, выморочности и бесцельности жизни.

В отличие от кунсткамерной и монотонной «Животной любви» «Собачья жара», как вполне игровое кино, строится по законам драматургии. Жара, механический секс и бессмыслица существования чреват агрессией, нагнетание аффекта ведет к кульминации и кончается разрядкой по всем правилам аристотелевской эстетики. «Как злы люди», — шепчет старик, у которого отравили любимую собаку, и с этим, держа в уме то, что люди еще и добры, нельзя не согласиться.

